

**К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э.
Воронец**

История народов Узбекистана

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. В. Тревер**
История народов Узбекистана: Том 1 / К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э.
Воронец – М.: Книга по Требованию, 2021. – 476 с.

ISBN 978-5-458-44511-5

Целью данного коллективного труда является восполнение пробела в исторической литературе относительно народов Узбекистана. Данный двухтомник охватывает период с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. Первый том охватывает исторический промежуток с древнейших времен до начала XVI века.

ISBN 978-5-458-44511-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Великая Октябрьская социалистическая революция совершила коренной переворот во всех областях жизни нашей страны. Она открыла величайшие просторы для бурного развития науки, культуры и искусства всех народов СССР.

Вместе с небывалым расцветом передовой советской науки росла и развивалась советская историческая наука, перед которой коммунистическая партия, Ленин и Сталин поставили почетную и ответственную задачу марксистско-ленинского освещения далекого прошлого всех народов нашей Родины.

Многие республики и области Советского Союза уже приступили к созданию трудов по истории своих народов. Значительные успехи в этом отношении достигнуты, в частности, в Грузии и на Украине. За решение этой задачи взялись и историографы Узбекистана. В годы советской власти в республике выросли многочисленные кадры историков, которые изучили и разработали множество материалов, хранящихся в архивах Узбекистана, Москвы и Ленинграда. Значительные успехи достигнуты в археологическом изучении памятников материальной культуры Узбекистана.

Рост идейно-теоретического уровня кадров историков, овладение ими марксистско-ленинской методологией, глубокое изучение гениальных произведений классиков марксизма-ленинизма открыли широкие возможности для осуществления новых трудов, с марксистско-ленинских позиций освещающих историю народов Узбекистана.

В годы Великой Отечественной войны было начато составление трехтомной „Истории народов Узбекистана“. В создании первого и второго томов этого капитального труда огромную помощь местным историкам оказали ученые Москвы и Ленинграда. Вместе с ними историографы республики энергично принялись за разработку еще неисследованных проблем — прошлого Узбекистана и добились значительных результатов, создав ряд трудов, написанных на основе новейших достижений советской исторической науки.

Осенью 1947 г. вышел в свет второй том „Истории народов Узбекистана“, освещающий период с XVI в. до Великой Октябрьской социалистической революции. Сейчас выходит в свет первый том „Истории народов Узбекистана“, охватывающий период с древнейших времен до XVI в. Большая группа советских историков Узбекистана работает над третьим — последним — томом „Истории народов Узбекистана“, посвященным важнейшему и замечательнейшему периоду в истории узбекского народа — периоду становления советской власти и строительства коммунистического общества в Узбекской ССР.

Работа над трехтомной „Историей народов Узбекистана“ является первым опытом создания такого капитального труда и потому сопря-

жена с большими трудностями. Это не могло не отразиться на его качестве: как показало, в частности, широкое общественное обсуждение второго тома „Истории народов Узбекистана“, он не лишен ряда серьезных недостатков. Дальнейшее углубленное изучение исторического прошлого Узбекистана, коллективность в работе, смелая, открытая большевистская критика и самокритика, высокая требовательность и непримиримость к малейшим отступлениям от принципов марксизма-ленинизма в науке дадут возможность историографам республики успешно решить стоящую перед ними большую задачу по созданию подлинно марксистско-ленинской истории народов Узбекистана.

Институт истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР и коллектив авторов и редакторов первого и второго томов „Истории народов Узбекистана“ обращается к широкой советской общественности с просьбой помочь им критикой недостатков уже изданных томов и тем самым содействовать дальнейшей разработке проблем истории Узбекистана. Институт истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР выражает искреннюю благодарность ученым Москвы и Ленинграда, деятельно участвовавшим в создании первых сводных работ по истории народов Узбекистана и оказавшим этим неоценимую помощь: академику Б. Д. Грекову, академику В. В. Струве, членам-корреспондентам Академии Наук СССР [С. В. Бахрушину], А. Ю. Якубовскому, К. В. Тревер, М. В. Нечкиной, Н. М. Дружинину, проф. С. П. Толстову, члену-корреспонденту Академии Наук Узбекской ССР А. К. Боровкову и проф. Е. В. Бунакову.

Первый том „Истории народов Узбекистана“ написан членами-корреспондентами АН СССР проф. К. В. Тревер и проф. А. Ю. Якубовским, а также кандидатом исторических наук М. Э. Воронцом.

Часть первая—Первобытно-общинный строй—составлена М. Э. Воронцом (стр. 17—38).

Раздел, посвященный периоду возникновения и развития рабовладельческого строя до его распада и глава «Народы Средней Азии при тюркском каганате (VI—VII вв.)», написаны К. В. Тревер (стр. 41—152).

Раздел, освещающий переход к феодальному строю, от главы II части V—«Завоевание арабами Средней Азии» и главы, освещающие историю феодализма до начала XVI в., написаны А. Ю. Якубовским (стр. 153—407).

Обработка и подготовка к печати материалов первого тома, составление указателей осуществлены и. о. старшего научного сотрудника Института истории и археологии Н. Б. Байковой.

В составлении библиографии к первому тому, наряду с авторами, принимал участие коллектив научных сотрудников Института истории и археологии АН УзССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о написании истории отдельных народов Средней Азии перестал быть предметом дискуссии. Сама жизнь решила его. В настоящее время уже вышли в свет истории казахского народа, таджикского народа, второй том «Истории народов Узбекистана» и др.

Сколько бы ни было недочетов в этих работах, в самом факте их появления нельзя не признать большого успеха советской исторической науки. Уже этот сравнительно небольшой опыт показывает, что можно писать историю не только Средней Азии в целом, но и ее отдельных народов.

Характерно, что сама возможность написания истории отдельных народов Средней Азии появилась лишь в обстановке нашей великой советской эпохи. Еще тридцать с небольшим лет назад никто из специалистов не ставил, да и не мог поставить перед собой подобного вопроса. Ведь только при советской власти народы Средней Азии, до той поры угнетавшиеся царизмом и местными эксплуататорами и не успевшие стать нациями, получили возможность политически оформиться в самостоятельные республики, стать социалистическими нациями и войти в качестве равноправных членов в братскую семью великого СССР.

Было бы, однако, неверным утверждать, что написание отдельных историй народов Средней Азии не встречает никаких трудностей.

Все народы, живущие на территории Средней Азии, связаны между собой не только политически, экономически и культурно, но в какой-то мере и этногенетически. Тем не менее опыт показывает, что в одних случаях выделение из общей истории Средней Азии частной истории какого-нибудь народа происходит сравнительно легко, а в других сопровождается значительными затруднениями.

Известно, что историю казахского, киргизского, туркменского народов написать, выделив ее из общей истории Средней Азии, легче, чем написать историю узбеков и таджиков. Объясняется это прежде всего тем, что узбеки и таджики в своей истории так тесно переплетены (территориально, экономически, политически и культурно), что на первый взгляд может показаться почти невозможным отделить историю одних от истории других. В связи с этим нельзя не поставить вопросов: 1) чем объясняется такое переплетение и 2) как можно размежевать написание самостоятельных историй?

Остановимся сначала на первом вопросе. Он прежде всего упирается в проблему этногенеза узбекского и таджикского народов. Если учесть достижения советской историографии по вопросам этногенеза народов Средней Азии за последние, по крайней мере, двадцать лет, то картина может представиться в следующем виде. Таджики и узбеки—

наиболее древние из культурных народов Средней Азии, их история связана с Согдом, Хорезмом, Бактрией, Ферганой, Шашем, на территории которых находились очаги богатой в древности цивилизации.

В советской исторической науке стало уже общепризнанной истиной, что история народа нередко старше истории его имени. Хорошо известно, что таджики существовали и имели свою культуру значительно раньше того времени, когда они получили свое имя. То же можно сказать и об узбеках, которые свое имя получили значительно позже, чем таджики, хотя живут в самом сердце Средней Азии с глубокой древности. История сложения таджикского и узбекского народов обнимает десятки веков и захватывает в свой процесс немало племен, народностей, которые входят в народообразование в качестве существенных исторических слагаемых, образуя то, что в исторической науке называется этногенезом того или иного народа.

Еще совсем недавно в историографии Средней Азии господствовал, как наследие буржуазной науки, наивный и примитивный взгляд, что узбеки—пришлый народ, что в Мавераннахре, т.е. на территории современного Узбекистана, они появились только с конца XV в., а до того времени жили в степях на север от Мавераннахра и занимали обширные степные пространства до Иртыша, и что историю узбеков на территории Узбекистана можно начинать только с XV в. Теперь эта наивная, ничего общего с наукой не имеющая и политически вредная точка зрения оставлена совершенно. Узбеки, о которых мы только что упоминали, действительно пришли на землю Узбекистана в XV—XVI вв., однако это были узбеки-кочевники, которые в составе узбекского народа представляют лишь одно из слагаемых.

Узбекский народ формировался как тюркоязычный народ на территории Узбекистана за много веков до появления в оседлых районах Средней Азии кочевников-узбеков, хотя и не носил их имени. Имя свое народ этот действительно получил от узбеков-кочевников, но высокую оседлую культуру выработал задолго до их прихода, на базе древней согдийско-хорезмийской цивилизации, совместно с таджиками, раньше узбеков ставшими народом оседлым и земледельческим в основных оазисах юга Средней Азии. Таким образом, вся история тюркского населения Мавераннахра, а в древности Согда, Хорезма, Ферганы, Шаша (Ташкентской области), есть история узбекского народа. Не все вопросы его этногенеза решены, они только выдвинуты советской наукой, многое еще неясно, однако путь решения намечен правильно. Для полноты картины не хватает еще некоторых звеньев, приходящихся главным образом на периоды древней истории.

Советская историография вдребезги разбила миф об единстве тюркского мира. Пантюркизм—реакционное политическое направление, которое преследует лишь захватнические цели и ничего общего с исторической наукой не имеет. Народы Средней Азии, говорящие на языке тюркской системы, имеющие свою конкретную историю, свой конкретный этногенез, представляют собой каждый в отдельности самостоятельное историческое образование с целым рядом своеобразных черт.

Самостоятельным историческим образованием является и узбекский народ, этногенез которого очень своеобразен и, надо сказать, достаточно сложен. Стоит только мысленно пробежать хотя бы средневековую историю Средней Азии, чтобы представилась весьма характерная картина этногенеза узбекского народа. Едва ли кто-нибудь из специалистов-историков может сейчас оспаривать, что в VII в., накануне арабского нашествия на Среднюю Азию, в Шаше, Фергане, Хорезме, Тохаристане и

Согде, понимая под последним не только долину Зарафшана, но и Кашкадарью, наряду с согдийским, тохаро-бактрийским, хорезмийским населением, говорившим на языках иранской системы, жили народности, говорившие на языках тюркской системы. Вся дальнейшая история обширных культурных областей между Аму-дарьей и Сыр-дарьей есть история формирования двух крупных культурных народов Средней Азии—сначала таджиков, а затем узбеков, причем последние в течение долгих веков упоминались в источниках под именем «тюрков». Хорошо известно, что тюркское население Мавераннахра особенно увеличилось, начиная с конца X—XI вв., когда вместе с завоевателями-караханидами пришло в Мавераннахр в виде военных отрядов с их семьями со стороны Семиречья и Кашгара некоторое количество тюркоязычных племен: карлуков, чигилей, ягма и др. Нельзя отрицать ни самого этого факта, ни его важности в истории Средней Азии, однако было бы глубоким историческим заблуждением, а это до сих пор имеет место в работах о Средней Азии, считать, что тюркоязычное население, как значительная часть всех обитателей Междуречья (между Аму-дарьей и Сыр-дарьей), появилось лишь со времени караханидского завоевания. В руках археологов и историков—огромное количество фактов, указывающих на проживание в пределах Междуречья не только кочевых тюркоязычных племен,—карлуков Тохаристана VI—VIII вв., карлуков Ферганы VII—VIII вв.—но и оседлых. Вспомним только обстановку восстания Аброя в долине Зарафшана в районе Бухары (конец VI в. н. э.), где, наряду с кочевыми, жили и перешедшие на оседлый земледельческий труд тюркоязычные племена. Все это—беспорные факты истории среднеазиатского Междуречья.

А что же сказать о такой древней культурной области, как Шаш, где тюркоязычное население в VI и последующих веках занимало значительное место! Самый термин «тюрки», как политический, а потом и собирательный в отношении к отдельной группе племен, известен в истории Средней и Центральной Азии лишь с VI в. со времени образования первого тюркского каганата и разгрома эфталитов. Однако теперь едва ли найдется кто-нибудь из серьезных историков, кто усомнился бы в том, что тюркоязычное население существовало до VI в. Достаточно напомнить только один факт: уйгуры—народ, говорящий на языке этой системы,—известны в истории Центральной Азии за несколько веков до появления термина «тюрк».

Таким образом и здесь мы должны помнить приведенную выше историческую истину, что народ и его язык зачастую старше его имени. Не может быть опровергнуто положение, что племена, говорившие на языках тюркской системы, существовали на территории Средней Азии и, в частности, в Междуречье, задолго до VI в. Это приводит нас к сложной проблеме этногенеза народов Средней Азии в древности, проблеме, в разрешении которой наибольшее участие из современных историков принимает С. П. Толстов.

Историко-географическая (история, археология, этнография с учетом лингвистических данных) установила, что в древности основным населением Хорезма, Тохаристана, Ферганы и Бактрии были ираноязычные и тюркоязычные народности Междуречья, из которых первые раньше, а вторые позже, перешли на оседлое состояние.

Археологи уже обратили внимание на то, что в погребениях и первых веках н. э., и конца первого тысячелетия до н. э., наряду с антропологическим и археологическим материалом, имеющим прямое отношение к так называемому иранскому населению, встречается материал, яв-

но к нему не относящийся. Работы ближайших лет, особенно в области археологии, дадут много фактов для решения вопроса о древности тюркоязычного населения.

Значительно легче обстоит дело в отношении этногенеза узбекского народа в эпоху дофеодальную и феодальную, т. е. в VI—XIII вв. Как указывалось выше, узбекский народ слагался параллельно с таджикским. Было бы очень большим упрощением и искажением исторической действительности представлять процесс сложения таджиков как прямолинейное продолжение развития древних согдийцев, а узбеков—как прямолинейное развитие тюрков среднеазиатского Междуречья. В конкретной исторической обстановке все протекало значительно сложнее. Только таджики, обитающие в горных районах верхнего Зарафшана, в какой-то мере могут считаться прямолинейными потомками древних согдийцев, живших там. Но уже таджики Южного Таджикистана представляют собой сложный этногенетический продукт, в состав которого входят древние бактрийцы, тохары и лишь частично согдийцы; там издревле существовал и значительный слой тюркоязычного населения. Можно ли с уверенностью сказать, что этот слой остался совершенно в стороне от процесса сложения таджиков и этнически никак не вошел в качестве слагаемого в их состав? Думаем, что сказать этого нельзя. Еще более сложен вопрос об этногенезе таджиков Каратегина, Дарваза, Шугнана и других горных областей Таджикской ССР. Не был прямолинейным и процесс сложения таджиков на территории Согда; здесь они вобрали в себя не только согдийцев, но и остатки народов, одно время властвовавших над Согдом, например тохаров.

Тюркоязычные обитатели Узбекистана жили в древности и в раннем средневековье среди массива согдийско-хорезмийского населения ранее, чем тюрки, перешедшего на оседлое состояние и земледельческую культуру, составляя в нем хотя и не малую, но все же меньшую часть.

По мере усиления тюркоязычного населения, особенно после карahanидского завоевания и падения государства саманидов, удельный вес тюркского сектора значительно увеличился. Установленная еще К. Марксом закономерность отношений между оседлыми и кочевыми областями Востока выражалась в Средней Азии в том, что кочевники—саки и тохары древности, раннесредневековые тюрки и т. д.—все время частично переходили на оседлое состояние и земледельческую культуру.

Особенно значителен этот переход был при карханидах в XI—XII вв. Переход тюрков-кочевников на земледельческий оседлый труд означал полное их включение в обстановку всей земледельческой культуры издревле жившего здесь населения—согдийского, тохарского и тюркского. Усиление перехода на оседлое состояние карлуков, гузов, чигилей, ягма и других означало для них подъем на более высокую ступень культурной жизни, делало их преемниками опыта и традиций древней цивилизации ираноязычных и тюркоязычных оседлых народов. Это был многовековой процесс перестройки огромных массивов населения, который коснулся не только пришлых тюркских племен и родов, но и древнего коренного населения как ираноязычного, так и тюркоязычного. Между теми и другими происходили браки, в ряде районов и областей (в долине верхнего и нижнего Зарафшана, Кашка-дарьи, Сурхан-дарьи и нижнего течения Аму-дарьи) намечалось отторжение согдийского и хорезмийского населения в языковом смысле, т. е. стало слагаться тюркоязычное население, в составе которого были не только карлуки, чигили, ягма, гузы и кипчаки, но также значительная часть ираноязычного

населения Согда и Хорезма, потерявшего свой прежний язык. Это тюркоязычное оседлое население и вошло в качестве весьма важного слагаемого в состав современного узбекского народа. Отюречение в языковом смысле сначала согдийцев и хорезмийцев, а затем таджиков шло веками вплоть до самого последнего периода, так как процесс перехода на оседлое состояние не прекращался в течение всего средневековья и нового времени. Процесс тюркизации в языковом смысле захватывал не только сельские местности, но, как известно, и города. Вспомним хотя бы Маргелан, где еще в XV в. господствующей речью была таджикская.

Таким образом, в состав современного узбекского народа входят не только древнейшее тюркское население среднеазиатского Междуречья, не только тюркские племена, пришедшие в конце X и XI вв. вместе с караханидской династией, но и отюреченные согдийцы и хорезмийцы, а потом и таджики, причем в ряде районов (долины Зарафшана, Кашкадарьи, Чирчика и Ферганы) этот слой довольно значителен. Вошли в состав узбекского народа и некоторые отюреченные монгольские племена, например джалаиры в долине Ангрена и барласы в долине Кашкадарьи*. Характерно, что барласы, частью отюреченные в XIII в. в Семиречье, окончательно потеряли свой монгольский язык в конце XIII и начале XIV вв. в долине Кашкадарьи. Это могло произойти только вследствие того, что к тому времени местное ираноязычное население было уже вполне отюречено в языковом отношении. Нельзя, однако, преувеличивать значение монгольского слоя в составе узбекского народа; особенного влияния на него он не оказал.

Подводя итог всему сказанному, мы должны со всей категоричностью подчеркнуть, что основа современного узбекского народа выработалась еще задолго до появления узбеков-кочевников конца XV—начала XVI вв. Последние были лишь новым слагаемым в этногенезе узбекского народа, слагаемым, которое постепенно, в процессе перехода на оседлый быт, приняло все культурное наследие от тюркоязычного земледельческого населения среднеазиатского Междуречья. Принимая все это во внимание, мы можем сказать с полной убежденностью, что узбеки, говорящие на языке тюркской системы, во много раз ближе стоят к таджикам, хотя и говорящим на языке иранской системы, чем к другим тюркоязычным народам Средней Азии, связанным с турками-османами лишь принадлежностью к одной языковой системе. Высказанные выше исторические соображения по поводу этногенеза таджиков и узбеков помогут нам разобраться в вопросе о том, как размежевать историю таджиков и узбеков.

Хотя древняя история согдийцев, бактрийцев, парфян, хорезмийцев и других народностей значительно яснее, чем древняя история народностей тюркоязычных, однако нельзя отрицать, что уже очень давно, не только в середине века, но и в древности, те и другие творили богатую своими достижениями культуру совместно, причем каждый из них вносил в нее свои своеобразные черты, которые обогащали одна другую.

Таджики и узбеки на протяжении долгих веков создали во многом общую материальную культуру, единую архитектуру, близкое друг другу изобразительное искусство, и только там, где более всего сказывалось различие, а именно в языке, создавали разную литературу, одинаково богатую, а по сюжетам и идеологии часто весьма друг другу близкую.

* Вопрос о монгольском происхождении джалаириков и барласов еще является спорным и в науке не разрешен. Прим. ред.

Ныне таджики и узбеки живут в Средней Азии как два народа, две социалистические нации, образуя две республики, входящие в великий Советский Союз—Таджикскую ССР и Узбекскую ССР. Эти республики, естественно, имеют свои территории, но в прошлом, в своей истории каждая из них не может обойтись без исторических экскурсов на территорию другой, так как в прошлом они были теснейшим образом связаны между собой, как это мы и видели выше. Нельзя писать историю России без Киевской Руси, хотя последняя и находилась на территории нынешней Украинской ССР. Киевская Русь, как культурное наследие и основа исторического развития, входит в состав трех братских республик: РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР. Эта общность Киевской Руси только содействует братству трех народов—русского, украинского и белорусского. В такой же мере и территории Согда, понимая последний в широком смысле, входят в историю как узбекского, так и таджикского народов, ибо именно здесь зарождался, наряду с Хорезмом, Парфией и Бактрией, замечательный очаг крупнейшей в древности среднеазиатской цивилизации, одинаково общей и для таджиков и для узбеков.

За последнее время в нашей прессе и востоковедческой литературе немало внимания было уделено вопросам борьбы с пантюркизмом и паниранизмом. Об отражении пантюркизма в исторической науке о Средней Азии мы уже сказали несколько слов выше.

Народы тюркской системы не представляют, как учат реакционеры пантюркисты, единого целого мира, а каждый из них являет собой сложное своеобразное историческое образование, отличное от другого в этносе, языке и культуре. Насколько сильно бывает иногда отличие одного тюркоязычного народа от другого, мы уже видели на примере изучения этногенеза узбеков.

Узбеки ближе к таджикам, чем к туркам, хотя у узбеков с турками имеется общая принадлежность к одной языковой системе. Реакционеры паниранисты считают исторически реальным единый культурный иранский мир, причем одни проповедуют, что центром, откуда распространялась «иранская» культура, является Иран (Персия), а другие—Афганистан. Это грубейшее извращение истории. Нет единого иранского мира, а есть разные ираноязычные народы: персы, таджики, курды, белуджи, афганцы и т. д.; каждый из них имеет свои конкретные истории и этногенез, свою исторически сложившуюся своеобразную культуру.

Возьмем два ираноязычных народа, очень близких по языку—персов и таджиков. Исторически они складывались на разных территориях, часто в разной исторической обстановке, причем из разных этнических слагаемых. В состав таджикского народа, как мы выше видели, вошли согдийцы, бактрийцы, тохары. Характерно, что ни одна из этих народностей не вошла в состав персидского народа.

Большая заслуга советской археологии заключается в том, что она установила ныне неоспоримый тезис о богатстве и своеобразии среднеазиатского очага древнейшей цивилизации человечества.

Буржуазная наука Западной Европы и Америки из корыстных, захватнических целей империалистической политики всячески отстает исторически уже изжившую себя концепцию об европеоцентризме человеческой культуры. Долго считалось, что цивилизация шла из единого центра—Египет, Месопотамия, Греция, Рим—откуда она распространилась в Европу и дальше по всему передне- и среднеазиатскому миру. За последнее десятилетие буржуазная наука к этому центру прибавила еще и Иран. Персидские и афганские реакционеры горячо подхватили это

«открытие» и стали доказывать, что в Средней Азии нет ничего, созданного ее народами, что все это продукт завоза и культурных влияний персидского народа. Мы несколько не желаем умалить значение культурных достижений персидского народа, однако и не хотим извращать историю и отказываться от оригинальности и самостоятельности истории народов Средней Азии.

Опубликованные недавно работы С. П. Толстова «Древний Хорезм» и «По следам древнехорезмийской цивилизации», являющиеся обобщением одиннадцатилетних археологических изысканий в Хорезме, рисуют на территории последнего очага оригинальной цивилизации в древности и раннем средневековье. Богатейший опыт ирригационных сооружений и связанного с ними интенсивно ведущегося сельского хозяйства; оригинальные формы рабовладельческого общества, обусловившие своеобразные черты перехода от античности к феодализму (отсутствие поселений типа деревень, полное господство отдельно стоящих укрепленных домов земледельцев и замков крупных землевладельцев); богатство и самобытность архитектуры, скульптуры, живописи дворцов и храмов античного хорезмийского города (вспомним открытия последних лет на Топраккала), богатства научной мысли, создавшей специально хорезмийскую научную традицию и нашедшую свое высшее выражение в трудах гения мирового масштаба хорезмийца Бируни, и многое другое — все это возвышается как богатейшее и оригинальное историческое создание, как драгоценное сокровище культурного наследия древней хорезмийской народности, вошедшей, как выше сказано, также в качестве слагаемого в состав современного узбекского народа.

Хорезм не был в Средней Азии единственным очагом цивилизации. Прославленная в древности Бактрия, большая часть которой приходится на территорию Южного Таджикистана и Узбекистана, являлась вторым таким очагом. Стоит только вспомнить знаменитый амударьинский клад, найденный в конце XIX в., а также ставшие уже знаменитыми айртамские фризы с изображением музыкантов, — богатые результаты археологических изысканий экспедиций в 1936—1938 гг. в Термезе М. Е. Массона, находки Согдийско-таджикской археологической экспедиции из погребений на Туп-хане в Хисаре, многочисленные греко-бактрийские монеты, наконец, свидетельства письменных источников — стоит вспомнить это, чтобы утвердиться во мнении, что и здесь имели место крупнейшие культурные достижения, пронизанные чертами оригинальности, созданные предками современных таджиков и узбеков, их богатое культурное наследие.

Очагом древнебактрийской цивилизации является территория, которая частично выходит за пределы Таджикской ССР и Узбекской ССР и включает области, населенные зарубежными таджиками и узбеками; археологически этот очаг пока очень мало изучен. Здесь еще таятся возможности больших археологических открытий.

Третьим очагом цивилизации с чертами оригинальной культуры была в древности территория Парфии с центром в Нисе, привлекавшая к себе за последние три года широкое внимание замечательными открытиями экспедиций ЮТАКЭ под руководством М. Е. Массона.

Наконец, четвертый очаг среднеазиатской цивилизации — это Согд и связанная с ним Бухара. Достаточно напомнить хотя бы о культурных богатствах древнего Самарканда, открытиях в замке на горе Муг, об изобразительном искусстве (живописи, скульптуре и резьбе по ганчу) в Варахше, об открытой в 1948 г. в Пенджикенте стеной живописи со сценами погребального культа в храме предков. И здесь та же картина, что и в Хорезме, в Бактрии и Парфии — богатство куль-

туры, проникнутой чертами оригинального, самобытного творчества. Четыре этих более или менее изученных среднеазиатских очага, при общности ряда культурных черт, сами отличаются ярко выраженной индивидуальностью.

В связи со вздорными утверждениями паниранистов стоит и вопрос о Хорасане. Уже у передовых представителей русской буржуазной науки, например у В. В. Бартольда, в результате его длительных исследований по истории Средней Азии и Ирана, создалось прочное убеждение, что Хорасан в древности и в средние века экономически, политически и культурно больше был связан со Средней Азией, чем с Персией.

Работы советских историков и археологов дали много новых фактов для подтверждения этого положения и тем самым сделали его неопровержимой исторической истиной. Советская историческая наука вместе с тем не просто констатирует этот факт, но и показывает, что не в Персии, а в Средней Азии надо искать ответ на вопрос о происхождении таких крупнейших явлений как Авеста и эпос Шах-намэ.

В виду того, что редактор книги С. П. Толстов и автор настоящих строк поместили в «Кратких сообщениях ИИМК АН СССР» (вып. XXVIII, 1949 г.) статьи по вопросам периодизации древней и средневековой истории народов Средней Азии*, авторы настоящей книги сочли нецелесообразным вновь ставить этот вопрос в настоящем предисловии, хотя периодизация древнего периода несколько расходится с периодизацией, данной С. П. Толстовым, ибо текст настоящего тома был написан и подготовлен к печати значительно ранее появления в свет указанной статьи. Вопрос о деталях периодизации древней истории Средней Азии, конечно, потребует еще дальнейшего обсуждения и уточнения. Трудность этой периодизации усугубляется слабой изученностью истории классовой борьбы в Средней Азии в древний период, что является результатом почти полного отсутствия фактического материала в письменных первоисточниках, в противоположность тому, что мы имеем для истории средних веков.

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

---

* С. П. Толстов, «Периодизация древней истории Средней Азии»; А. Ю. Якубовский, «Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.)».